

Гурская Ю.А.

**ЯВЛЕНИЕ ТРАНСОНИМИЗАЦИИ В ДРЕВНЕЙ ОНИМИИ
БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

В статье рассматривается явление трансоимилизации в балтийских и славянских языках. Установлено, что в основе формирования и развития древней онимии лежит широкое и разноплановое взаимодействие ономастических макроконцептов – антропонимического концепта человек и топонимического концепта пространство, что проявляется в многоаспектной трансоимилизации разных разрядов древних имен. Древние имена и их компоненты находят продолжение в современных фамилиях, представленных в онимических системах родственных языков

Ключевые слова: ономастика, трансоимилизация, антропонимия, топонимия, этнонимия, имя собственное.

Gurskaja Julia

**THE PHENOMENON OF TRANSONYMISSATION IN BALTIC AND
SLAVONIC LANGUAGES' ANCIENT ONYMY**

The article deals with the phenomena of transonymisation in Baltic and Slavonic languages. It is established that the basis for the formation and development of ancient onyms are broad and diversified cooperation onomastic macro concepts - anthroponymic concept of man and toponymic concept of space, which is manifested in various categories of aggravated transonymisation of ancient names. The ancient names and their components can be found in modern family names represented in onomastic systems of the related languages.

Key words: onomastics, transonymisation, anthroponymy, toponymy, ethnonymy, proper name.

Явление трансонимизации исследователи относят к онимическим универсалиям [18]. Согласно Н.В.Подольской, трансонимизация представляет собой «переход онима одного разряда в другой» [10, с. 138], что является проявлением динамики ономастического поля [12, с. 9].

Несмотря на то, что трансонимизация как способ пополнения онимной лексики, как ономастическая универсалия уже стала предметом исследования ученых, взаимодействие разных разрядов древних имен собственных остается малоизученным.

В этом аспекте в большей степени исследованы связи онимов в сфере топонимии (Х.Крае, В.П.Шмид, В.Н.Топоров, О.Н.Грубачев, Е.С.Отин и др.). Анализируя древнюю гидронимию, немецкий исследователь Х.Крае пришел к выводу, что на территории, которую когда-то занимали германские, кельтские, италийские (с венетским), иллирийские и балтийские племена, распространены общие по форме и по происхождению т.н. «древнеевропейские» гидронимы, возникновение которых относится ко второй половине II тысячелетия до н.э. [22, с. 49 – 64]. Практически это значит признание существования соответствующих по форме гидронимов, расположенных в разных частях европейского континента [16, с. 129 – 140].

Языковеды, которые занимались изучением балтийской гидронимии и этнонимии, отмечали архаичность этого пласта лексики и его близость к праиндоевропейскому состоянию [23, р. 58]. Согласно немецкому языковеду В.П.Шмиду, в балтийском ареале в большей степени выражена концентрация и непрерывность древнеевропейской гидронимии [27, с. 1 – 18].

По мнению исследователей, древние гидронимы часто становились производящей базой для других разрядов имен собственных. В частности, литовские языковеды З.Зинкявичюс, К.Кузавинис отмечают, что для балтийских языков характерно развитие модели: гидроним → топоним

(название края) или хороним → этноним, вследствие чего этноним часто образуется от самих гидронимических основ без каких-либо специальных словообразовательных суффиксов [31, p. 187]. Как указывает К.Кузавинис, по модели гидроним → топоним от соответствующих гидронимов возникли макротопонимы: Neromaa (*Nerava), Lietuva (Lietava), Latvija (Latva), Aistija (Aista), Prūsija (*Prūsa), Kuršas (*Kurša), Sēla, Jotva, Sūduva (Sūdava), Skalva (Skalava), Dainava, Notanga (Natangija), Deltuva, Barta и др. [7, с. 86]. Данная традиционная точка зрения принимается большинством исследователей [7; 13; 31 и др.] *.

В.Н.Топоров обратил внимание на то, что в топонимических системах балтийских языков наименования реки и прилегающего пространства мотивирует и предопределяет обозначение населенных пунктов и всей соответствующей страны-пространства, а оно в большинстве случаев вызывает к жизни обозначение населения указанного пространства [13, с. 226]. Синкретическое представление различных семантических признаков, когда в одном этнониме совмещалось указание на народ и на территорию его проживания, был известен также в древнерусском языке [9, с. 174]. При этом пересечение нескольких этимологических рядов исследователи считают показателем архаичности соответствующих единиц [16, с. 132].

Таким образом, при образовании древней топонимии выявляются пространственные ассоциации по смежности, в силу чего взаимодействие этимологических лексем осуществляется на основе метонимии. Импульсом развертывания метонимических связей в древнейшем слое индоевропейской топонимии, по мнению многих исследователей, является гидроним, который во многих лингвокультурах организует жизненно-актуальный уровень пространства радиального типа в силу особой значимости концепта *вода* как важнейшей бытийной ценности [3, с. 95].

Особый интерес представляет тот факт, что контактный перенос гидроним → топоним → этноним находит продолжение в другом разряде

имен собственных – древней антропонимии, что актуализирует взаимосвязь важнейших категорий *человек* и *пространство*.

Рассмотрим некоторые аспекты трансонимизации древних имен собственных в контексте онимии европейского ареала.

Этнонимия. *Эстии* – название балтийского племени айстиев, упоминаемое Тацитом (*Aestiorum gentes*). По мнению К.Буга, название *Aesti*, *Aestiorum gentes*, начиная с Тацита, обозначало до IX века пруссов. Близкими соседями айстов, славян и готов, которые находились в низовье Повисленья и на побережье, Птоломей и Тацит считают финнов. Согласно данной гипотезе, общий этноним айстии использовался в более поздние века I тыс. германскими племенами применительно ко всем обитателям восточного побережья Балтийского моря. Впоследствии данный этноним был перенесен германцами на финнов, живущих под властью айстиев (прусов), и в настоящее время окончательно закрепился за современными эстонцами [21, Т. 3, р. 124]. Дискуссия о происхождении этнонима остается открытой (краткий обзор основных интерпретаций этнонима см. [2, с. 59 – 60]).

Гидронимия. Компонент *Ais-/Eis-* широко представлен в древнеевропейской гидронимии. Исследователи выделяют древнеевропейско-балтскую гидронимическую параллель: др.-евр. *Eisa* – балт. *Aisė*, ср. лит. *Aĩsė*, *Ais-t-à*, *Aĩsetà*, *Aĩsetas*; лат. *Aiša*, *Aišāte*; др.-прусс. *Ayssen* [29, р. 55, 100]; лит. *Eisit* – *ėžeras* [21, Т. 1, р. 503].

Топонимия: лит. *Aisėnai*, *Aistiškiai* [25, р. 3]. Согласно П.Дини, этноним *Aesti* (лит. *aisčiai*) имеет параллели также в топонимах венецкого происхождения: *Ad-estae*, *At-este* [2, с. 140].

Антропонимия. Компонент *Aĩs-(Eis-)* зафиксирован в первом элементе 17 древних двучленных антропонимах балтийского происхождения: *Aĩs-mantas*, *Aĩs-mentas*, *Aĩs-muntas*, *Eĩs-i-mantas*, *Eĩš-i-mantas*, *Eĩs-manas*, *Aĩs-mintas*, *Eĩs-minas*, *Eĩs-mintas*, *Aĩš-paras*, *Aĩš-poras*, *Eĩs-kantas*, *Eĩs-valdas*, *Eĩs-vinas*; *Eĩs-vydas*, *Eĩš-vidas*, *Eĩš-vydas* [30, р. 73, 86].

Отметим антропонимические параллели: др.-прусск. *Ey-mant* [28, s. 27]; лит. *Eis-i-mont-as*, *Eĩs-mant-as*, *Es-mant-as* [24, Т. 1, p. 568]; польск. *Eis-mont*, *Ejs-mond*, *Ejs-mont*, *Eys-i-mont*, *Eys-montt*; *Eys-y-mont* [26, Т. 1, s. 178]; бел. *Эйсмант*, *Есмант*, *Ешман*, *Эсмантовіч*; русск. *Ес-монт*, *Эйс-монт* [15, с. 278].

Ойконимия. На территории Литвы и Беларуси зафиксированы ойконимы, образованные от древнего сложного антропонима *Эйс-монт* (*Эй-монт*), первый компонент которого коррелирует с балтийским этнонимом *айстии*. В литовском языке данные антропоойконимы образованы с помощью формантов *-iškis*, *-iškiai*, а также путем плюбализации: *Ei-mant-aĩ*; *Ei-mant-iškis* [25, p. 72].

На территории Беларуси также представлены ойконимы модели *Pluralia tantum*, которые являются продолжением балтийского ареала: *Эйс-монты* *Большие*, *Эйс-монты Малые*, *Эйс-мочты*. По мере удаления от балто-славянского пограничья структура топонимов изменяется: *Эйс-ы-монты* → *Эйс-монт-ы* → *Эсьмоны*; *Есьмано зо*; *Есьмановцы*.

При анализе т.н. «древнеевропейских» гидронимов исследователи указывают, что они уже не поддаются объяснению на материале какого-нибудь одного индоевропейского языка. Гидронимы с компонентом *Ais-* ученые связывают с и.-е. **eis-/ *ois- *is-* «быстро, мощно двигаться»; ср. др.-инд. *iṣyati* «двигаться, шевелиться», др.-исл. *eisa* «быстро бежать, нестись», лит. *eĩs-ena*, *eĩti* «идти». Менее убедительной является соотнесение данных гидронимов с лит. *aisùs* «жалостный, горький» [29, p. 36].

Антропонимический компонент *Aĩs-(Eis-)* литовские лингвисты соотносят с рядом родственных слов, возникших на базе и.-е. корня **eis-*, ср. лит. *eĩti* «идти», *jóti* «ехать (верхом)»; *eid-lus* «ходкий», *eig-a* «ходьба»; др.-прусск. *ēisei* «идти»; др.-исл. *eisa* «бежать вперед»; др.-инд. *yā* «идти, ходить, ехать», *yānas* «путь, дорога» [17, с. 73–74].

Существуют и другие интерпретации антропонима. Так, польский лингвист К.Рымут связывает данный антропоним с немецким двучленным

именем *Eis-mont*, образованным на базе апеллятивов: *eis(en)* ‘железо’, *mont* ‘защита’ [26, Т. 1, с. 178].

Таким образом, компонент *Ais-/Eis-* представлен в гидронимии, топонимии, этнонимии и антропонимии. Фамилии с компонент *Ais-/Eis-*, зафиксированные в балтийских и славянских языках, являются сложными именами, образованными по древнейшей индоевропейской модели.

Gudai, gūdas. Среди древних балтийских этнонимов особую группу составляют имена с корнем *Гуд-*, который не имеет однозначного толкования. Как отмечают исследователи, важной особенностью данного этнонима является то, что он не приурочивается к какой-нибудь территории или народу, т.е. является как бы квазиэтнонимом. Но с другой стороны, он имеет сходство с типичными этнонимами. В частности, в диалектах литовского языка лексема *gūdas* имеет значение ‘некрещеный младенец’; ср. лат. *krieviņš* ‘некрещеный младенец’; русск. диал. *лопь* ‘некрещеный младенец’, вероятно, от *лопь* ‘саамы, лопари’ [6, с. 7 – 8].

Согласно В.В.Иванову, В.Н.Толорову, инвариант значения литовского слова *gudai* ‘не обладающий нашей истинной речью’ реализуется в зависимости от ситуации: 1) нелитовцы – белорусы; (иногда) поляки и русские’ (ср. лат. *gud.* ‘белорус; белорусский паромщик’); 2) носители одного из двух основных этнолингвистических членений литовцев – аукштайты по отношению к жемайтам; внутри аукштайтов – восточные соседи по отношению к населению, обитающему западнее [5, с. 18].

Несмотря на то, что этноним *gudas* иногда употреблялся и по отношению к литовцам, он относился, прежде всего, к восточнославянскому населению исторической Литвы. С конца XIX века названия *gudai, Gudija* в литовском языке окончательно закрепляются за белорусами и Беларусью.

Анализ этнонимии является наиболее сложным, поскольку этнонимы относятся к древнейшим образованиям, которые пережили несколько языков, сменивших друг друга на определенной территории. Согласно самой распространенной точке зрения, этноним *gūdas* – заимствованное племенное

название готов (ср. *Gothi, Gothones, Gutones* в античных источниках, др.-сканд. *Gotar*), которое впоследствии было перенесено на славян, находившихся в низовьях Вислы под властью готов. Как указывает К. Буга, *Gudas* первоначально не являлось настоящим именем славянина, т.к. имя *gudas* мы не можем отделить от названия германского племени *gutaz* (нем. *Gote*, русск. готь). В литовском языке закрепилось название *gudas*, а не *gutaz*, т.к. литовцы узнали это имя уже тогда, когда сами готы все еще говорили **ghudas*, т.е. до германского передвижения согласных, перед появлением т.н. «Lautverschiebung» [21, Т. 3, р. 782-783].

Гидронимия и топонимия. Исследователи уже обращали внимание, что гидронимы и топонимы с корнем **Gud-* широко распространены на значительной территории Восточной и Юго-восточной Европы, ср.: *Gdańsk/Danzig, Gdynia/Gdingen*, которым имеются соответствия в других славянских ареалах: *Гданск*, название притоков рек Иквы, Стыри и Припяти на Западной Украине, топонимы *Kdanice* и *Kdyně* в Чехии; бел. ойконим *Гдзень* < * *Gьdenь* < * *Gi dēn-*; польск. *Gdów* (город в Восточной Галиции), ср. русск. *Гдов*, др.-русск. *Гдовь* (древний город на восточном берегу Чудского озера) Гидроним *Гдовь*, давший название городу, считается балтийским по происхождению [6, с. 12–13].

Ввиду широкого географического распространения данных гидронимов и топонимов на широком пространстве в Восточной и Юго-восточной Европе (Литва, Беларусь, Россия, Украина, Польша, Чехия и др.) исследователи относят их к реликтам древнеевропейской гидронимии, образованным от и.-е. корня **gud-* в дославянский период [6, с. 12].

Данная основа широко представлена в сложных гидронимах и микропонимах Литвы, отчасти Латвии: *Gùd-grabè, Gùd-ravis, Gùd-intakis, Gud-mėšla; Gùd-a-balè, Gud-ã-karkliai, Gùd-a-lieknis, Gùd-a-trakis*; лат. *Gud-purvs* [29, р. 125 –126]; лит. *Gud-ã-akmenis: akmiõ* ‘камень’; *Gùd-a-kalnis: kálnas* ‘гора’, *Gùd-a-medis: mēdis* ‘дерево’, *Gùd-a-pievis: píeva* ‘луг’, *Gùd-a-*

raistis: raĩstas ‘болотистый лесок, кустарник’, *Gùd-laukis: laũkas* ‘поле’, *Gùd-miškė: miškas* ‘лес’ [25, p. 94–95], ср. бел. топоним *Гудогай*.

Антропонимия. Антропооснова *Gud-* зафиксирована в 12 литовских сложных двучленных антропонимах индоевропейского типа, которые являются очень архаичными образованиями: *Gùd-vainas, Gud-vĩlas, Gùd-vinas, Gùd-mant-as, Gùd-mont-as, Gùd-i-gal-is, Gud-i-gáila, Gùd-i-gardas, Gùd-minas, Gùd-jonis, Gùd-jurg-is*. В качестве второго слога данный компонент выражен в антропониме *Geĩ-gudas* [24, Т.1, p. 738].

От основы *Гуд-* и фонетических вариантов *Гудз-/Gudz-*, выступающих в польском, белорусском языках и литовском языках, были образованы сходные по форме антропонимы прозвищного типа, общность которых связывается с вхождением данных территорий в состав Великого княжества Литовского. Фамилия *Gudzyel* и топонимы *Gudele, Gudojcie, Gudów* известны с XV века [20, с. 133 – 134]. В литовском, белорусском и польском языках зафиксировано большое количество фамилий с формантами, имеющими различные стилистические коннотации:

1) лит. *Gùd-as*; бел. *Гуд, Гудзь*; польск. *Gud-as, Gud-aś, Gude, Gudo, Gudzio*; ср. русск. *Гуд-оз*;

2) с литовским деминутивным формантом *-el-is*: лит. *Gud-ėlis*; бел. *Гудзель*; польск. *Gudel, Gudell*; с литовским суффиксом *-alas*: *Gud-al-iáusk-as*;

3) с литовским формантом *-ait-is* (бел. *-ойць/-айць*; польск. *-ojc/-ajt*) в патронимическом значении: лит. *Gud-áitis, Gud(el)áitis, Gud-el-iáuskas*; бел. *Гуд-айцьіс, Гуд-айцьіс, Гуд-алайць, Гуд-ойць*; польск. *Gud-ojc, Gud-ajtyś, Gud-ajtiś, Gud-el-ajtyś*;

4) с патронимическими литовскими формантами *-ėn-as, -on-is*: лит. *Gud(el)iónis, Gud-ón-is, Gud-ėn-as*, ср. др.-прусск. *Guddene, Gudenyn* [28, s. 36-37]; бел. *Гудень, Гудзень*, польск. *Gudan, Gudanis, Gudanus, Gudań*;

5) с формантом *-in-is*: *Gùdinas, Gudyndas, Gũdynas*;

б) с суффиксом *-eika, -eikis*, который в литовском языке выступает для наименования людей с пейоративным значением: лит. *Gud-éika*, ср. др.-прусск. *Gudeike*; польск. *Gudejko*;

7) с формантом *-uk-as*, который в литовской антропонимии первоначально выполнял деминутивную функцию: лит. *Gudùkas*.

В белорусском и польском языках широко представлены также фамилии со славянскими формантами от основы Гуд-/Гудзь-: бел. *Гудаў, Гудвіловіч, Гудзелеў, Гудзілаў, Гудзялёў, Гудзелеўскі, Гудоўскі, Гудзінскі*; польск. *Gudelewski, Gudelin, Gudelski, Gudelajski, Gudanek, Gudaniec, Gudanowicz, Gudanowski, Gudański*. Некоторые из них повторно были заимствованы литовским языком: *Gud-ãvičius; Gud-al-ėvič-ius, Gud-el-ėvič-ius, Gud-an-ãvič-ius, Gud-á-us-k-as, Gud-on-ãvič-ius, Gud-ul-ėvič-ius, Gud-el-sk-as, Gud-in-ãvič-ius, Gudz-in-ãvič-ius, Gudz-in-ėvič-ius, Gudz-ėvič-ius* [24, Т. 1, р. 737-739].

Значительная часть современных белорусских фамилий с основой Гуд-/Гудзь-, оформленная литовскими и славянскими формантами, отражает фонетические черты белорусского языка: *Гудайціс, Гудалайць, Гудойць, Гудзель, Гудзень, Гудмонас, Гудзелеў, Гудзілаў, Гудзялёў; Гудзінскі; Гудзь*.

В русском языке зафиксированы фамилии с основой Гуд-, которые содержат литовские суффиксы: *Гудас, Гудайтис, Гуданис, Гудонис* [15, с. 277]. С рассматриваемым этнонимом могут быть связаны также русские фамилии *Гудалев, Гудин, Гудов*, которые исследователи обычно сопоставляют с апеллятивом *гудеть* 'издавать гуд, урчание, протяжный звук', либо с диал. *гудить* 'порицать, хаять, осуждать, порочить' [1, с. 143].

Согласно Л. Беднарчуку, фамилии с основой Гуд- восходят к прозвищу *Gudas*, которое в литовском языке мотивировано прилагательным *gudas* 'природный, простой, заурядный', что означает «простых людей», говорящих «обычным языком», под которыми чаще всего подразумевались белорусы. В целом прозвище *gudas* относилось к носителям белорусско-польского интердиалекта на Вилейщине [20, с. 133]. В пользу такой интерпретации свидетельствуют также данные лингвогеографии: многочисленные фамилии

и топонимы с основой *Гуд*- локализируются в северо-западной части Беларуси в зоне древнейших балто-славянских этнических контактов.

На территории белорусско-литовского пограничья зафиксированы этнотопонимы, образованные лексико-семантическим способом словообразования: лит. *Gudaĩ* (20), бел. *Гуды* (5) [11, с. 66].

В литовском, латышском и белорусском языках отмечается широкое взаимодействие этнонимических антропонимов с основой *Гуд*- с наименованиями поселений. При этом ойконим может зеркально отражать антропоним этнонимического происхождения: лат. антр. *Gùdas* → хутор *Gudas*. Однако наиболее частотным способом ойконимизации антропонимов является развитие у них формы множественного числа: лит. антр. *Gud-áitis* → ойк. *Gudáičiai* (7); антр. *Gudāšius*, ср. русск. *Гудашев* – ойк. *Gudāšiai* (2); антр. *Gudéika* → ойк. *Gudeĩkiai* (2); антр. *Gudėlis* → ойк. *Gudėliai* (72), ср. бел. ойк. *Гудзели*, *Гудоли*; антр. *Gudėnas* → ойк. *Gudėnai*.

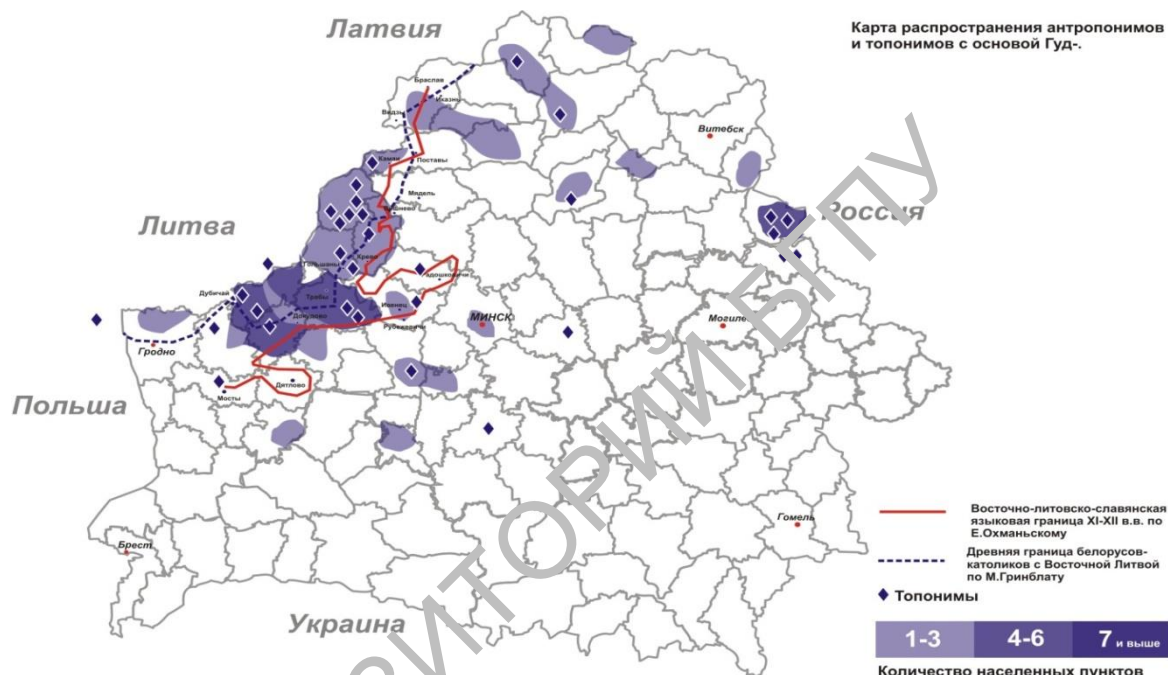
В литовском языке отмечается трансонимизация, осложненная формантами *-iškė* (мн. ч. *-iškės*), *-iškis* (мн. ч. *-iškiai*); *-iškis* (мн. ч. *-iškiai*). Согласно исследователям, форманты *-iškė* (мн. ч. *-iškės*) «пришли в ойконимию через названия местности по фамилии или имени владельца или человека, который проживал в данном месте» [19, с. 12], ср.: лит. *Gùdiškė* (7), *Gùdiškės* (3), *Gudėliskė*, *Gudėniškės*, *Gud-mon-iške*. Отмечаются ойконимы с формантами *-iškis* (мн. ч. *-iškiai*), образованные от названий коллективов людей по наименованию места проживания или по имени их родоначальника [19, с. 12]: *Gùdiškis* (3), *Gudėniškės* (3).

На территории Беларуси также зафиксировано значительное количество ойконимов с основой *Гуд*-. Выделяются две группы: 1) ойконимы, образованные по литовской топонимической модели, характерные для смежных с Литвой районов Беларуси: *Гудалишкі*, *Гудзелишкі*, *Гудзінішкі*, *Гудзішкі* (2), ср. белорусские антропонимы с литовскими формантами: *Гудаль*, *Гудзель*, *Гудзень*, *Гудзеня*; 2) ойконимы со славянскими формантами:

Гудзевічы, Гўдавічы (Гудóвічы), Гудава, Новае Гудава, Зямянскае Гудава, Гўдаўшчына, Гудóўшчына, Гудзенікі (ср. бел. фамилию *Гудовіч*).

На территории Литвы и белорусско-литовском пограничье отмечены сложные топонимы с основой *Gud-*: лит. *Gùd-a-kampis: kampas* ‘угол’, *Gùd-a-kiemis: kiēmas* ‘двор’, *Gùd-kaimis: káimas* ‘деревня’ [25, р. 94–95].

Распространение антропонимов и топонимов с основой *Гуд-* на территории Беларуси представим на карте:

В литовском языке представлен также переход антропонимов в гидронимы, которые как бы персонифицируют объект, что, вероятно, связано с явлением антропоморфизма, возникшего под влиянием дохристианского мировоззрения [31, с. 350]. Ср.: антр. *Gùdas* – гидр. *Gùdas*; антр. *Gud-én-as* – гидр. *Gudén-ėlė*; *антр. *Gudónas* – гидр. *Gudõnas*. Зафиксированы также сложные гидронимы с родовыми наименованиями: лит. *ùpė* ‘река’, лат. *upe* то же; лит. *upėlis* ‘ручей, речка’, *ėžeras* ‘озеро’: антр. *Gùdas* – гидр. *Gùd-upis, Gùd-upelis, Gùd-upis*; гидр. *Gùd-ežeris*; антр. *Gudìnės* – топ. *Gudiniškės* – гидр. *Gudiniškių upėlis*; антр. *Gudìnės* – топ. *Gudìnės* – гидр. *Gudinių upėlis*; антр. *Gudónis* – топ. *Gudónys* – *Gudonių ėžeras*; антр. *Gudėlis* – ойк. *Gudėliai* – *Gudėl-upis*; антр. *Gudžius (Gudžionis)* – *Gudžionys* – гидр. *Gudžionių ežerai*.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что диапазон исследования древней онимии может быть расширен. В основе формирования и развития древней онимии лежит взаимодействие ономастических макроконцептов – антропонимического концепта *человек* и топонимического концепта *пространство*, которое проявляется в многоаспектной трансонимизации разных разрядов древних имен. Изучение аналогичных по форме онимов, различных типов связи в древней онимии позволит выделить древнейший слой собственных имен, представленный в онимических системах родственных языков.

Примечания

* другая интерпретация балтийских этнонимов, опирающаяся на этнолингвистический контекст, представлена в последних работах С.Каралюнаса, см. [6]).

Список литературы

1. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2001. 672 с.
2. Дини П.У. Балтийские языки. М.: ОГИ, 2002. 542 с.
3. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Барнаул, 2002. 389 с.
4. Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: Беларус. гос. ун-т, 1974. 447 с.
5. Ивалов Р.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси: сб. науч. трудов. Киев, 1980. С. 11 – 45.
6. Каралюнас С. Из проблематики формирования балтийских и славянских этнонимов // Slavistica Vilnensis, 1998. С. 7 – 28.
7. Кузавинис К. По поводу происхождения некоторых балтийских топонимов // Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига: Зинатне, 1966. С. 85 – 87.
8. Отин Е.С. Топонимическая метонимия (вид связи «гидроним – ойконим») // Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997. 470 с.

9. Парфенова Н.Н. Русские фамилии конца XVI – XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). Сургут: РИО СурГПИ, 2001. 278 с.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. Наука, 1988. 187 с.
11. Рогалев А.Ф. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории). Гомель: Бел. Агенство науч.-техн. и деловой информации, 1993. 168 с.
12. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / Дисс. в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград: Перемена, 2006. 172 с.
13. В.Н.Топоров. Еще раз о неврах и селах в общебалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. *neur-: *nour- и *sel- // Onomastica Lettica 2, Rīga: Latviesu valodas institūtas, 2004. S.152–231.
14. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1962. 270 с.
15. Унбегаун Б.О. Русские фамилии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 440 с.
16. Юркенас Ю. Ономастика как фрагмент лингвистической палеонтологии // Русистика и компаративистика. Сб. науч. статей. Вып. IV. Вильнюс – Москва: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2009. С. 129-140.
17. Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс: Sīklonas, 2003. 196 с.
18. Яковенко М.В. Трансонимизация как ономастическая универсалия // Λογος ὀνομαστικῆ. № 1(3), 2009. С. 6 – 8.
19. Бірыла М.В., Ванагас А.П., Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 100 с.
20. Bednarczuk L. Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Millennium Lithuaniae MIX – MMIX, Kraków: Lexis, 2010. 311 s.

21. Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslines literatūros leidykla, 1958 – 1962. – 3 t.
22. Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1954. 180 s.
23. Laučiūtė J. Senieji baltų etnonimai indoeuropietiškosios onomastikos fone //Baltistica 24, 1988. P. 56 – 61.
24. Lietuvių pavardžių žodynas /A.Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius: Mokslas, 1985 – 1989. – 2 t.
25. Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas/ Parengė Z.Noreika ir V.Stravinskas. Vilnius: Mintis, 1976. – 2 d.
26. Rymut K. Nazwiska Polaków: słownik hist.-etymologiczny. Kraków: Pol. Akad. Nauk, Inst. Języka Pol., 1999 – 2001. – 2 t.
27. Schmid W.P. Baltische Gewässernamenn und das vorgeschichtliche Europa // Indogermanische Forschungen, 77, 1972. P. 1 – 18.
28. Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen: ein Beitr. zur balt. Philologie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1925. 204 s.
29. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas, Vilnius: Mokslas, 1981. 408 p.
30. Zinkevičius Z. Lietuvių asmenvardžiai. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto, 2008. 840 p.
31. Zinkevičius Z. Lietuvių tautos kilmė. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. 328 p.